

ЛУКА
КАРИМОВА

ЧЁРНЫЙ УТЁС

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

ГЛАВА 1

*«Издалека окутанный туманом Черный утес
всегда казался мореплавателям зловецим местом,
парящим над землей в хмурых облаках.*

*Капитаны судов обходили этот проклятый утес
стороной, чтобы не напороться на колючие рифы.
Поговаривали, что Черный утес был прибежищем
морской колдуньи, но вот уже много лет ее никто
не видел, однако слухи о ней продолжают будоражить
земли Сорфмарана. Местные старожилы еще пом-
нили наказ колдуньи: “Беря у моря дары, отблагодари
и не оскорбляй темные воды потрохами мертвых”.*

*Поэтому рыбаки держали лодки с сетями подальше
от воды, чистили улов на суше, а остатки сжигали
в огне, чтобы не гневить колдунью и ее питомцев —
морских чудовищ, затаившихся в северных водах.
Нерадивых море могло проклясть, отобрав заработок
и жизнь. Стихия наказывала людей за неуважение,
лишая благодати».*

УМБРА

Когда Эриде¹ доложили о разводе Нокте²,
она рассмеялась и продолжала хохотать так
долго, что слуги начали испуганно поглядывать
на госпожу, впервые видя ту в приподнятом на-

¹ Эри́да, Эри́с (борьба, ссора, соперничество) — в древне-греческой мифологии богиня раздора и хаоса.

² Ню́кта, Никта (ночь) — божество в греческой мифологии.

строении. Королева испытала удовлетворение и радость. Ее предсказания сбылись: непутевая сестра встала на путь одиночества, и лелеемое счастье малышки Нокте обернулось горем.

«Никто не утешит, не обнимет, она совершенно одна», — думала Эрида о младшей сестре.

— Так тебе и надо, ты наконец-то получила по заслугам, — повторяла королева, восседающая на коралловом троне. Сквозь полупрозрачный купол-потолок пробивались солнечные лучи, и чешуя, облегающая тело Эриды, сверкала.

— Что прикажете, моя королева? — к ней подплыл черноволосый тритон. Мышцы перекатывались под его бледно-голубой кожей. В волосах светлела проседь, синие глаза неотрывно смотрели на русалку.

— Хозяин северных границ, Эреб³, ты обитаешь ближе всех к Черному утесу, пусть кто-нибудь из твоих сыновей несет там дозор и каждый день присылает мне доклады об изгнаннице. — Временами мысли о Нокте заставляли холодное сердце королевы замирать. Она стискивала трезубец и нашептывала: «Ты

³ Эре́б (мрак, тьма) — в греческой мифологии олицетворение вечного мрака.

никогда сюда не вернешься, не позволю». Эрида не искала встреч с Нокте, не пыталась ей помочь. Чары морской колдуньи невозможно снять, и русалка прекрасно об этом знала, как и о своем долге перед подводным народом.

Королева — пример для всех. Если она позволит предательнице вернуться в свое сердце, тритоны Кораллового совета усомнятся в мудрости и силе своей повелительницы.

В Умбре пол наследника не имел значения. После смерти отца ее недоброжелатели тайно надеялись, что древние артефакты власти — корона и трезубец — испепелят избранную, но этого не произошло. Эрида правила жестко, властно, но справедливо. Она сослала всех недовольных на северные границы, где в самых темных уголках морской пучины обитали опасные древние чудовища. Один плавник такого монстра накрыл бы коралловую столицу тенью или вовсе стер с морского дна. Благодаря матери Эриды воины северных границ научились управляться с тварями. Однако стоит королеве опуститься, и она погибнет, как и ее мать.

— Рядом с замком предательницы?! — опешил Эреб.

Не такого назначения он ждал для себя и своих отпрысков. Тритон непроизвольно

оскалился, но Эрида впиалась в него почерневшими глазами, встопортив за спиной иглы полупрозрачного плавника. По основанию трезубца пробежали алые всполохи, артефакт раскалился докрасна. Орудие в руке королевы подчинялось только своей владелице и обжигало любого недостойного.

Русалка перевела взгляд на предплечье Эреба с выжженным трезубцем — клеймом предателя.

— Работа для изгнанников с себе подобными, — Эрида улыбнулась.

Тритон получил свою отметину за то, что не сумел уберечь покойную королеву Адаманду⁴. Во время осмотра северных границ мать Эриды со стражниками угодила в гнездо штейнов. Яд из щупалец мутировавших цианей⁵ быстро превратил их плоть в лед. Подмога опоздала, в живых остался только Эреб, он и принес королю замерзший осколок плавника Адаманды. До самой смерти отец носил его на цепочке и был погребен с ним в жерле подводного вулкана.

⁴ От греческого **Адамас** (неодолимый) — мифический металл, служивший материалом для орудий богов. Адамас — древнее название алмаза.

⁵ **Волосистая цианея** — вид сцифоидных из отряда дискосмедуз.

Эреба с семьей сослали на северные границы и разрешили вернуться, лишь когда Эрида стала королевой. Тритон показал себя с лучшей стороны и надеялся, что сыновей ждет славная участь.

— Будь благодарен и не требуй большего, это задание пустяковое. Вижу, ты надеялся, что я допущу тебя к государственным делам или замку человеческого короля? — Эрида вновь рассмеялась, стукнув трезубцем о подножье трона. В темных недрах сверкнула пара желтоватых глаз. На свет выплыли черные мурены, обвили хвост Эриды, потерлись об него вытянутыми мордочками и повернулись к Эребу.

Тритон стиснул зубы, увидев перед собой питомцев морской колдуньи. Та приходилась Эриде и ее сестрам родной теткой и однажды помогла младшей из принцесс покинуть Умбру, превратив ее хвост в ноги. Никто не знал, жива ли старая бестия или пучина поглотила ее останки. Люди видели морскую пену, но не знали, что все это частицы мертвых тритонов и русалок.

— Я благодарен, что вы позволили некоторым из моих сыновей охранять южные воды, сменяя друг друга, а сам я останусь, где мне и положено, — процедил Эреб, склонив голову.

Они с королевой были в тронном зале вдвоем, но даже если он на нее нападет — проиграет. Пока трезубец при Эриде, русалка защищена. Тритон не станет рисковать — за коралловыми дверями его ожидают двое сыновей. И вот-вот из южных вод должен вернуться третий.

— Поскорее отправь их в дозор, а сам возвращайся на границы и не показывайся, пока я не призову тебя.

— Слушаюсь, моя королева. — Эреб прижал ладонь к груди, зацепив несколько торчащих чешуек поверх застарелого шрама от шупалец штейнов, и, подавив гримасу боли, поклонился.

Эрида проводила взглядом его конечности с полупрозрачными плавниками. Когда дверь закрылась, впустив в зал вереницу пузырьков, королева устало прикрыла глаза.

Практически все жители Умбры рождались с рыбьими хвостами, и лишь те, кто обитал у северных границ, начинали по неизвестным причинам мутировать, превращаясь в двуногих — тритонов, как Эреб, его сыновья и другие стражники, вызывая отторжение у сородичей. Ходили слухи, что подобные изменения вели к бесплодию. В организме тритонов переставала вырабатываться спирита, а тело русалок

отвергало вещество, из которого создавались жемчужины-икринки, и те не прикреплялись к их животу. Беременных русалок можно было узнать по подобию ожерелья, которое они носили на бедрах. Со временем жемчужина, а то и две-три, начинали расти, пока сквозь перламутр защитной оболочки не проглядывала головка плода. В назначенный срок жемчужину срезали с живота русалки и разбивали кинжалом, выкованным в недрах подводного вулкана. Только столь прочное орудие и могло разбить защитную оболочку, высвободив новую жизнь. Так на свет появилась Эрида, ее сестры и все жители Умбры.

Мурены подплыли к королеве, и та, почесывая их длинные скользкие тела, прошептала:

— Тетушка, твои уроки не прошли даром. — Русалка была единственной, кто помнил о морской колдунье только хорошее.

Когда Адаманды не стало, отец надолго заперся в своих покоях, перепоручив дела советникам, которых возглавила Эрида и, пока король не пришел в себя, негласно правила Умброй (тетушка хорошо ее подготовила).

— Я не виню тебя за Нокте, она поплатилась за свою наивность и любопытство, но, если ты все еще жива, не попадайся мне

на глаза... — Желтый взгляд мурен недобро блеснул, и питомцы скрылись под троном.

ЧЕРНЫЙ УТЕС

Из окна замка была видна скала с мельницей. Порыв ветра с шорохом крутил ее лопасти. Из густой высокой травы выглядывали мягкие шерстяные бока овец. От служанки Агнес Нокте узнала, что мельницей владеет один старик: когда-то ему не повезло, и море отвергло его, но он не смог расстаться с ним и выстроил над пучиной дом, стал молоть муку, разводить овец и продавать шерсть. Нокте видела его силуэт из окна, она старалась не уходить далеко от замка, будто боялась утратить и без того хрупкую связь со стихией. Мельницу освещало солнце, пробиваясь сквозь разрывы в дождевых тучах, но над Черным утесом по-прежнему шел ливень, оглушающе барабанил по черепице и с шумом стекая вниз.

Тонкий луч коснулся лежащей на подоконнике бледной руки, но даже он не сумел бы согреть ее по-русалочьи холодную кожу. Облака стали истончаться, постепенно расплываясь и обнажая ясное небо.

Нокте видела рыбаков, вытаскивающих лодку из бушующей воды. Быстро переставляя ноги, мужчины тянули просоленные, облепленные водорослями веревки, пока волны не перестали лизать корму. Утянув лодку под навес, рыбаки разожгли костерок и устроились вокруг греться.

Пламя нехотя разгоралось, вспыхивая искрами между истлевших досок и влажных веток. Нокте даже уловила запах жареных креветок, но аппетит так и не пришел. Она давно перестала нормально есть. Даже любимые персики не вызывали аппетита, а ведь во время замужества Нокте считала их лакомством. Сейчас оранжево-красные плоды лежали на блюде рядом с наполненным водой серебряным кубком и источали легкий цветочный аромат. Девушка очень много пила, вызывая у служанки недовольство.

Крики чаек заставили Нокте вздрогнуть. Белокрылые птицы пронеслись мимо окна, устремившись к утесу под мельницей, где вили гнезда.

В туманные дни скалы и вовсе было не видеть. Ближе к утесу песок сменялся широкими каменными плитами, расчерченными черными венами провалов, в них ютились мелкие

крабы и зацепившиеся за водоросли моллюски. Во время прилива камни скрывались под водой, и в отлив можно было найти приоткрывшиеся раковины с жемчугом.

Ветерок скользнул через окно, обдал щеку Нокте дождевыми каплями и колыхнул страницы лежащего на столе дневника. Она посмотрела на исписанную за ночь бумагу и нахмурилась. Кому и что может рассказать немая? Только морю — своими прикосновениями. И бумаге — чернилами:

«Многие верят в счастливый конец истории русалочки и принца, но никто не знает о том, что было после свадьбы.»

Я действительно вышла замуж и стала королевой Сорфмарана, но так и не сумела родить супругу наследника. Я — жена короля, неспособная продолжить его род.

На протяжении двух следующих лет ни один из долгожданных младенцев не появился на свет. Глупо было надеяться, что, получив колдовством ноги, я сумею стать полноценной человеческой женщиной. И королевский целитель настоял больше не пытаться зачать дитя, страшась, что я умру. В тот день моя судьба была определена.

Я удалилась от двора в маленький замок Черный утес, где когда-то встретила свою любовь. Супруг велел мне поправлять здоровье морским воздухом, прогулками. Соблюдать все предписания целителя, чтобы вернуться и родить наследника. Будто мне во дворце не хватало моря или воздуха. Первые два месяца в ссылке я надеялась, что супруг ненадолго отойдет от дел и навестит меня, успокоит. На шестой месяце надежда угасла, а на седьмой гонец доставил мне документ о разводе. Подписав его, я перестала вспоминать даже имя короля.

Государь не принадлежит себе. О какой любви может идти речь? Бывший супруг был щедр: он оставил за мной Черный утес, многочисленную прислугу, которая была подле меня до нашего брака, и пожизненное содержание.

До Черного утеса новости доходят медленно, но столь громкое событие людская молва не смогла пропустить: в день, когда гонец вернулся с документами в столицу, король женился во второй раз, и его новая супруга уже ждала ребенка. Я понимала: она-то и подарит Сорфмарану наследного принца, а я умру здесь — одинокая, неспособная вернуться в темные глубины Умбры.

По ночам звездное небо манит простором, а накатывающие на берег волны шепчут уте-